

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С24

Художественное оформление *Петра Петрова*

Свечин, Николай.
С24 Дело Варнавинского маньяка / Николай
Свечин. – Москва : Эксмо, 2019. – 384 с. – (Детектив
Российской империи).

ISBN 978-5-699-85973-3

Коллежский асессор Алексей Лыков теперь уязвим для преступного мира: женившись на своей давней любви, красавице Вареньке Нефедьевой, и став отцом двоих сыновей, бесстрашный петербургский сыщик расследует дело жестокого Варнавинского маньяка. Жертвами этого «зверя» становятся беззащитные дети, и, не ровен час, младшие Лыковы попадут в лапы нелюдя... Сможет ли сыщик справиться с собственными страхами и поймать убийцу, не рискуя благополучием семьи? Детектив Николая Свечина – это и трогательная мелодрама, и жесткий экшн, заставляющий вспомнить лучшие образцы жанра!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-85973-3

© Свечин Н., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

• 1 •

НАХОДКА

Лыков бесшумно поднялся по черной лестнице, остановился у двери и прислушался. Было тихо. Остро пахло помоями и ретирадным. Следом за Алексеем поднялся коллежский секретарь Бударгин и замер у стены. Три других оперативника Летучего отряда остались ниже на площадке, ожидая команды.

Бударгин вынул револьвер, взвел курок и кивнул Лыкову: давай, мол, ворвемся! Тот покачал головой: что-то не нравилось ему в этой тишине. Жестом отослав помощника в глубь коридора, сыщик спрятался за косяк, провел ладонью перед прозоркой¹ и сразу отдернул руку. Тут же изнутри грохнули выстрелы, и на дверном полотне образовались три большие дыры.

— Ух ты! — впечатлился коллежский секретарь. Не удержавшись, он подскочил к двери и дважды выпалил в ответ, целясь на звук. Из квартиры бухнуло тоже два раза. Пули, разбрасывая по лестнице щепки, вылетали наружу, как шмели; одна чиркнула Бударгина по рукаву. Тот ойкнул и убрался за косяк.

---

¹Прозорка — дверной глазок.

— Последний остался, — одними губами прошептал Лыков и хватил кулаком пониже прозорки. Раздался шестой выстрел, а следом за ним щелчок экстрактора и звон выпавших гильз. Пора!

Алексей отступил на два шага, собрался и одним сильным ударом плеча выбил дверь. Сыщики ворвались в квартиру. Напротив входа белобрысый парень торопливо снаряжал барабан «смит-вессона» зарядами. Не успел: Лыков так саданул ему кулаком в ухо, что стрелок улетел в кухню.

С оружием в руках коллежский асессор obeжал квартиру, но никого более в ней не обнаружил. Неустроенная и грязная, она была, видимо, малообитаема: мебель в чехах, окна закрашены мелом, ни вещей, ни следов пребывания жильцов. Только на кухне стоял початый штоф водки и лежал надкусанный огурец.

— Ваше высокоблагородие! — позвали Лыкова от черного хода. — Гляньте, что мы нашли!

Лыков поспешил к задержанному. Агенты Летучего отряда уже надели на него наручники и обыскали. Нож и кастет лежали на сундуке, а старший филер Пестов протягивал начальству револьвер:

— Узнаете?

Это был 4,2-линейный¹ «смит-вессон» особого образца для скрытного ношения. Длина ствола у него составляла всего два вершка, и отсутствовала шпора для среднего пальца, обычно помещаемая на спусковой скобе. Оружие

---

¹4,2 линии — калибр 10,66 мм.

выпускалось небольшими партиями в Туле специально для сыскных агентов. Малые размеры револьвера позволяли ему незаметно помещаться в кармане. Преступники мечтали заполучить себе такую удобную вещь, но револьверы были номерными, и полицейское начальство строго за ними следило. За последние три года пропал только один такой «смит-вессон»...

— Тот самый? — спросил Лыков, хмуро глядя на арестованного.

— Так точно, ваше высокоблагородие. Его, Красноумова.

В начале весны бесследно исчез секретный сотрудник Департамента полиции губернский секретарь Красноумов. Как и Лыков, он был «демоном» — легендированным агентом, способным внедряться в уголовную среду. Смелый и артистичный, Иван состоял в любимцах всего департамента. Алексей с ним дружил и тяжело переживал случившееся. И вот — эта находка, словно последняя весточка от человека, которого уже три месяца, очевидно, нет в живых.

Коллежский ассессор подошел к бандиту, посмотрел на него тяжелым взглядом:

— Рассказывай, где взял.

— А Недокрещенный подарил, когда мы вашего «демона» в Екатерингофке топили, — ухмыльнулся тот, нимало не смущаясь. — Эх он и кричал!

Рука Алексея сама легла на шею бандиту, а по лицу пробежала нервная судорога.

— И про Недокрещенного расскажи, — хрипло потребовал сыщик.

— Щас! — дерзко ответил тот. — Может, и псалом какой спеть?

— Понимаешь, что я сейчас с тобой сделаю? Надеешься с каторги потом сбежать? Дурень; ты даже до участка не дойдешь. Будет тебе ускоренное судопроизводство. Ну? Последний раз спрашиваю.

Сыщик и налетчик смотрели друг другу в глаза. Лицо у Лыкова стало страшное — агенты даже поежились, но арестованный и не думал смущаться.

— Ты кого другого пужай, а я свое отбоюсь. Пошел к чертям!

Алексей крикнул через плечо:

— Пестов!

— Здесь, ваше высокоблагородие!

— Сними с него наручники. И закури свою.

— Слушаюсь!

Старший филер не спеша вынул папиросу, раскурил и пустил струю дыма в потолок.

— Смотри, мразь, — снова обратился Лыков к уголовному. — Тебе осталось жизни на три затяжки. Пестов сейчас докурит, и... Будешь говорить?

— Валяй, легавый, — смело ответил парень. — Нет хуже, чем смерти ждать. Ежли я вам сейчас про Недокрещенного что скажу — мне одно не жить. Долго ли, коротко, а он меня спишет. Лучше уж коротко. Валяй, казни! Твоя власть.

Лыков стоял, ждал, пока старший филер докурит. Все молчали. Наконец Пестов крикнул и швырнул окурочок на пол. Лыков кивнул агентам, те, толкаясь, поспешно кинулись на лестницу. Через несколько секунд в квартире раз-

дался выстрел. Коллежский ассессор вышел к подчиненным, убрал дымящийся «веблей» за спину, ладонью стер с лица злые складки:

— Все помнят, что говорить?

— Так точно, ваше высокоблагородие, — ответил за остальных Бударгин. — Убит при задержании. Вон дверь-то как издырявил!

Через четыре дня в зале заседаний Окружного суда тот же Бударгин стоял перед прокурором и четким баритоном декламировал:

— Обещаю и клянусь Всемогущим Богом, пред святым Его Евангелием и Животворящим Крестом, что, не увлекаясь ни дружбою, ни родством, ни ожиданием выгод или иными какими-либо видами, я по совести покажу в сем деле сущую о всем правду и не утаю ничего, мне известного, памятуя, что я во всем этом должен буду дать ответ перед законом и пред Богом на Страшном суде Его. В удостоверение же сей клятвы целую Слова и Крест Спасителя моего. Аминь.

Коллежский секретарь торжественно поцеловал Евангелие и крест, придал лицу серьезно-торжественное выражение и посмотрел на прокурора собачьими преданными глазами. Тот строгим голосом произнес:

— Итак, после клятвенного обещания ответьте теперь суду, при каких точно обстоятельствах погиб Иван Сергеев Кошкин, которого вы под командой коллежского ассессора Лыкова пытались арестовать? И не содержалось ли в действиях Лыкова превышения власти и требований необходимой самозащиты?

— Никак нет, ваше высокородие, ничего такого в действиях господина Лыкова не содержалось. Указанный Кошкин стрелял в нас и даже оконтузил мне руку. Он положительно не желал сдаваться. Коллежский ассессор Лыков, не рискуя подвергать опасности жизни членов Летучего отряда, вынужден был открыть ответный огонь. И я вместе с ним. Инструкция позволяет стрелять в ответ на сопротивление противника, если это продиктовано необходимостью самозащиты.

— Да знаю я вашу инструкцию! — отмахнулся прокурор. — Пятеро на одного — и самозащита. Чему вас там только учат?

Бударгин нахмурился, но благоразумно промолчал.

— Что имеете сказать про обнаруженный на Кошкине специальный револьвер?

— Когда ответным огнем в порядке самозащиты господин Лыков застрелил упомянутого...

— Короче! — рявкнул судейский.

— Могу короче, — обиженно пожал плечами коллежский секретарь. — Когда, защищаясь от преступных выстрелов ответным огнем, господин Лыков поразил злодея, на теле последнего был обнаружен револьвер системы «смит-вессон» специального образца, находящийся на вооружении агентов сыскной полиции. Сличение номера показало, что оружие принадлежало губернскому секретарю Красноумову, чиновнику особых поручений XII класса Департамента полиции, пропавшему без вести в первых числах марта этого года при выполнении секретного задания.

Прокурор перегнулся через конторку и впился в сыщика сверлящим взглядом:

— А может быть, Кошкин был схвачен живым? И находка револьвера вызвала у коллежского асессора Лыкова чувство злобы и желание мести? Подумайте над ответом хорошенько и помните о клятве на Святом Евангелии. Отчет придется держать перед Всевышним!

И пафосно поднял палец к потолку.

— Никак нет, — уверенно заявил Бударгин и преданно всхлипнул. — Как же я могу нарушить клятву! Кошкин был к тому времени уже убит... ответным огнем в порядке самозащиты. Да и номер мы смогли сличить только по прибытии в оружейное депо департамента. Мало ли таких револьверов на руках? Отпили ствол — и готово дело...

Остальные четыре агента подтвердили показания коллежского секретаря, и судья тут же закрыл дело о превышении власти за недоказанностью. Лыков со своими людьми вышел на Литейный. Там Алексей молча пожал сыщикам руки и отправился на службу доложить начальству. Календарное лето еще не началось — было 26 мая, но жара в 1886 году, видимо, решила взяться за дело раньше срока. Пекло уже немилосердно. Все, кто мог сбегать из раскаленного города, спешили в отпуска или на дачи. Вот и Благово на прошлой неделе укатил во Францесбад лечить больные почки. Замещавший его статский советник Цур-Гозен принял Лыкова незамедлительно.

— Ну как?

— Ребята отмазали.

— И поклялись, не моргнув глазом?

— Конечно.

— Вот и хорошо, — облегченно вздохнул статский советник. — А вообще, чего это прокурор так на тебя взъелся? Дают ему грош, так, вишь, не хорош! Дело открыл... Будто в первый раз при задержании убивают!

— Потому и открыл, что не в первый, — пояснил Алексей. — В прошлом году в Темир-Хан-Шуре — помните, я командировался в Военное министерство? — тоже случилось. Я тогда Раковникова, стервеца, застрелил. Только на Кавказе меня за это похвалили — там разговор короткий; а здесь, в столице, пытались из службы исключить. Чисто плюи. Этого бы прокурорского хоть раз на пули пустить, поди, полные штаны накладет. А других судить горазд!

— Да... — пробормотал Цур-Гозен, который тоже никогда не ходил на пули. — Судейские далеки от жизни, это точно. Но... Алексей Николаич... ты бы того... Ты в отпуску давно не был?

— Два года.

— Вот! — обрадовался статский советник. — Пора и отдохнуть! Ты не обижайся, пожалуйста, но уехать тебе надо. Скрыться с прокурорского горизонта. До осени. Пусть на Литейном все забудут. С глаз долой — из сердца прочь! А в конце августа вернешься и продолжишь служить, как служил. Согласен?

— Отпустят ли? — засомневался Лыков.

— А я переговорю с Дурново¹. Объясню ему. У тебя что сейчас из срочного?

— Да все то же. Ограбление Верблюонера.

---

¹Дурново П. Н. — в 1884–1893 гг. директор Департамента полиции.

Цур-Гозен смачно матюгнулся. Банкирская контора Верблюонера располагалась на Невском проспекте, в самом центре столицы. Недоброй апрельской ночью в нее забрались грабители, убили сторожа и похитили германского монетного золота на 112 тысяч рублей. Тевтонский посланник вручил министру Гирсу ноту; расследованием интересовался сам государь. Третьего дня люди Лыкова вышли на парня, который расплатился в «Малиннике» золотой маркой. Проследили его жилище на Охте — и Алексей застрелил подозреваемого при аресте.

— Все равно он ничего бы не сказал, — угрюмо пробормотал коллежский ассессор. — Знаю я этот сорт... И возможность ему дал. Без толку...

— Я разговаривал с агентами, — ответил Цур-Гозен, глядя в окно. — Можешь не оправдываться. Значит, опять Недокрещенный?

— Так точно. И как же я в отпуск отбуду?

Статский советник долго смотрел на серую ленту Фонтанки, вздыхал про себя и тер маленькой ладонью столешницу. Потом сказал:

— А черт с ним! Сразу после акта Недокрещенный всегда уезжает из города. Сейчас он может быть где угодно, только не в Питере. Государь собирается в Ливадию, граф уже полмесяца, как в Маково¹. И чего ты будешь тут париться? Прокурорским лучше пока не попадаться на глаза. Пиши рапорт.

— Есть, Христиан Андреевич! — обрадовался Лыков.

---

¹ Село Маково Михайловского уезда Рязанской губернии — имение министра внутренних дел Д.А. Толстого.

— Куда направишь свои стопы?

— Скатаюсь на недельку во Францесбад, попорчу жизнь Павлу Афанасьевичу. Чтобы медом не казалась... А потом к своим, в Варнавин.

— Эх, везет богачам! — вздохнул Цур-Гозен, живший на одно жалованье. — Вам Бог дал, а нам посулил... (Как многие немцы, статский советник любил употреблять русские поговорки.) Но, Алексей Николаевич, будет тебе одно поручение. Чтобы медом не казалось... Думай, как Недокрещенного взять. Давно уж он нам жилы тянет. Жду тебя в конце августа с планом оперативных мероприятий.

— Будет сделано!

• 2 •

НЕДОКРЕЩЕННЫЙ

Банда Недокрещенного впервые объявилась два года назад, в 84-м. Тогда неизвестные ограбили контору Государственного банка в Таганроге, убив трех кассиров и охранника. Поиски злоумышленников ничего не дали. Через три месяца в Москве зарезали Иосифа Чеснавера, богатейшего в городе ювелира, не гнушавшегося покупать и краденое. Начальник сысской полиции Эффенбах сумел вычислить наводчика — им оказался родной племянник убитого. От него сыщики получили первые сведения о необычной банде гастрологов. Их было около десятка, они не разменивались на мелочи и не оставляли живых свидетелей. Последнее подтвердилось самым неожиданным

ным образом: племянника удавили в Бутырском МОКе¹, и исполнителя не нашли... Убитый наводчик общался только с посредником, главаря не видел, но слышал его кличку – Недокрещенный. Произнося ее, посредник, третий калач, зажмуривал глаза и принимал стойку «смирно». Вскоре его тело обнаружили в Даниловке, в канаве.

После третьего ограбления (в Ростове убили самого богатого домовладельца) дело передали в столицу. Департамент полиции начал циркулярный розыск. Словно в насмешку над ним, неуловимая банда провела еще четыре акта: в Одессе, Варшаве и дважды в Петербурге. Налеты обычно следовали весной и в начале лета, а на зиму прекращались. Во всех случаях был один и тот же почерк. И никаких следов, только еще десять трупов.

Благово злился – уже много лет он не испытывал такой беспомощности. Агентура докладывала, что в среде фартовых Недокрещенного не знают. В этом и была загвоздка. Если бы гастролеры принадлежали к уголовному миру, их бы давно уже арестовали. Или как минимум идентифицировали. Конечно, гайменники² Горячего поля в Петербурге или душителю из Даниловских пещер в Москве скрываются от закона годами. В обеих столицах есть много мест, не доступных полицейским облавам. Однако имена злодеев все известны, и при неосторожном их появлении на людях происходит задержание. Здесь же вообще ничего! Не имеется даже примет. Десяток отчаянных головорезов, сведения о которых начисто отсутству-

---

¹МОК – мужской одиночный корпус Бутырской тюрьмы.

²Гайменник – убийца (*жафг.*).